

Дин Тянь обо всём этом даже не подозревал.

Утром он едва успел подняться и ещё не принимался за готовку, как на пороге появился его двоюродный брат, Дин И, присланный вторым дядей.

— Братец! Матушка сегодня с утра свежих колобков на пару накрутила. Наказала передать тебе полсотни штук — выстави их на мороз, пусть застынут, а ты потом потихоньку скармливай этим каторжникам.

Эти колобки — знатное северо-восточное угощение. Внутри скрывается сочная начинка из пряной квашеной капусты с добавлением свиного сала, а снаружи — плотная оболочка из пышного кукурузного теста, в которое для вязкости подмешивают немного пшеничной муки. На северо-востоке такое блюдо считается добрым перекусом. Вроде и простое лакомство, но при желании сойдёт за полноценный обед. Единственная беда — сытость от него недолгая.

Дин Тянь лишь усмехнулся про себя.

«Каторжникам в камере всё равно спину не гнуть, — рассудил он, — а уж этому плешивому Ху Мацзы и подавно сытно есть вредно. Чем меньше в нём будет сил, тем спокойнее у меня в казематах».

К тому же в тётушкиных колобках начинки было много, а самого теста — кот наплакал. Госпожа Дин Ян придумала это неспроста. Стоило ей прознать, что племяннику приходится в одиночку возиться с тремя арестантами, она сразу нашла выход. Ведь в уездной тюрьме Дин Тянь остался совсем один, и тётушка просто берегла его силы, чтобы парню не пришлось после дежурства ещё и у плиты корячиться. Деревенский люд — народ честный. Даже если еда предназначалась для колодников, приготовили её на совесть. А что не слишком сытно — так ведь каторжники не в поле работают, перебьются.

— И не лень же тебе было спозаранку такую тяжесть тащить, — улыбнулся Дин Тянь.

Вглубь тюрьмы он брата заводить не стал — место гиблое, не ровён час накличешь беду, так что корзину перехватил прямо у порога.

— Сам-то завтракал? Пойдём, угощу тебя горячим хворостом.

— Ещё нет! — просиял Дин И.

Золотистый жареный хворост во всём Городе Ньюцзяо продавали лишь в одном месте — при казённом почтовом дворе. Местная поварня славилась утренними яствами: там подавали парное соевое молоко, хрустящие полоски ютяо, кручёные плетёнки махуа и сладкие жареные пирожки. Простым смертным такая роскошь была не по карману. За скромный завтрак приходилось выкладывать добрых два десятка медных монет, а если дать волю аппетиту — все

пятьдесят улетят. Изысканным вкусом тамошняя стряпня не отличалась, но её ценили за сытность и обилие масла. Крестьянский желудок, не привыкший к жирной пище, радовался такой нажористой еде пуще всяких деликатесов.

— Ну, пошли, поедем как следует, — подмигнул Дин Тянь.

«Честно говоря, я и сам изголодался по жареному, — Дин Тянь сглотнул набежавшую слюну, — в прошлой жизни на этот фастфуд и смотреть не мог, а теперь только о хрустящей корочке и мечтаю».

Парни быстрым шагом направились к почтовому двору. Горячее соевое молоко там наливали даром — штука грошовая, из одного таза сои повара умудрялись наварить целый чан. Правда, за ложку сахара приходилось приплачивать отдельно. Они взяли по чашке простого молока, к которому Дин Тянь прикупил четыре золотистые полоски ютяо и два сладких пирожка. Квашеные овощи шли бесплатно, а вот за нежное яичное суфле потребовалось раскошелиться.

Наевшись до отвала, Дин Тянь решил побаловать и домашних. Он набрал с собой целый ворох гостинцев: десять полосок ютяо, четыре кручёные плетёнки махуа, двадцать сладких пирожков и десять масляных лепёшек. Повар, глядя на столь щедрый заказ, расплылся в улыбке и накинул сверху ещё две лепёшки в подарок.

Дин Тянь вручил тяжёлые свёртки кузену:

— Передай тётушке мою благодарность. Ступай домой.

— Понял! — Дин И едва не пустился в пляс.

В его годы, когда молодой организм требует горы еды, а домашний стол редко балует жирным, этот завтрак показался ему лучшим пиршеством в жизни.

Отправив брата, Дин Тянь купил ещё шесть кручёных плетёнок, а хозяин лавки расщедрился и налил ему два полных кувшина соевого молока. Сам-то главный тюремщик наелся, но в казематах его ждали трое голодных ртов. Завтрак для узников выдался незамысловатым: каждому досталось по три капустных коlobка, миска горячей похлёбки с размоченным хворостом, горсть солений и сладкое соевое молоко.

Ван Цзо с подозрением уставился на плавающие в миске размякшие куски теста.

«Опять какая-то бурда из объедков, — Ван Цзо брезгливо разглядывал плавающую на поверхности жирную плёнку, — и ведь не постеснялся притащить».

— И что это за бурда? — наконец спросил он.

— Утром ходил с братом полакомиться к почтовому двору, вот и вам принёс гостинец, — спокойно ответил Дин Тянь, разливая варево. — С непривычки от жирного у вас животы скрутит, а в похлёбке — в самый раз. Зимой горячий суп — лучшее лекарство.

Дин Тянь раздал миски и протянул руку за посудой:

— Давайте ваши кувшины, налью кипятку.

— У тебя тут ко всем такое отношение, или мы удостоились особой милости? — сиплым голосом подал знак жизни Ван Юдэ. — Сколько гляжу, ты со всеми ровен.

— А разве должно быть иначе? — Дин Тянь окинул его спокойным взглядом. — По мне, так порядок отличный. Я вас понапрасну не обижаю, но и вы глупостей не замышляйте. Бежать отсюда даже не думайте — это всё-таки тюрьма.

— Куда мне бежать? — Ван Юдэ бессильно опустил плечи. — Моя песенка спета.

— Раз понимаешь, что крышка, чего ради молчишь? — подал голос из соседней камеры Ван Цзо. — Погляди на себя, во что ты превратился за эти дни?

— Не могу! Не смею! — Ван Юдэ вцепился в деревянные прутья решётки, едва не бясь о них лбом. — Там такие люди замешаны... Сильные, всемогущие! Им меня прихлопнуть — что муравья раздавить. Не смею я говорить, видит небо, не смею!

<http://bllate.org/book/19387/1997485>